

УДК 130.122:808.5 (Познание и понимание духовного: Теория речи. Риторика устной речи. Культура речи)

**«ВОСКРЕСНЫЕ ПИСЬМА» В.С. СОЛОВЬЁВА
В РАКУРСЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ М.М. БАХТИНА**

© 2021 Н.Г. Юрина

*Юрина Наталья Геннадьевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного*

E-mail: makarova-ng@yandex.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
Саранск, Россия

В статье анализируется редко исследуемая в научной литературе публицистическая работа известного русского философа В.С. Соловьёва «Воскресные письма», созданная в последние годы его жизни. Опираясь на основные положения концепции речевых жанров М.М. Бахтина, автор рассматривает контекст речевого акта, который организует Соловьёв-публицист, художественную и полемическую составляющие текста, характер использования в диалоге с читателем «чужого слова». Коммуникативный ракурс исследования достаточно редко встречается в соловьёведении. Совмещение возможностей литературоведения и языкознания позволило увидеть литературный материал с принципиально новой точки зрения и сделать следующие выводы. Начиная публикацию цикла своих работ в газете «Русь», Соловьёв инициирует серьезный продолжающийся разговор с соотечественниками об актуальных вопросах, стоящих перед российским обществом. На выбор предмета речи, жанровой формы публичного выступления, особенности подачи материала повлияли как участники диалога, специфика публицистической сферы коммуникации, так и конкретная ситуация речевого общения, эпоха. Апокалиптические предчувствования Соловьёва привели его к идее сплочения сограждан в преддверии грядущих общечеловеческих потрясений, поэтому в «Воскресных письмах» он не столько полемизировал и настаивал на своём видении истины, сколько объяснял, убеждал, указывал на важные идейные источники (Библия, русская классическая поэзия), способные помочь скорректировать позиции, внимательно анализировал ответные голоса читателей-собеседников. Большой объём «чужого слова» в рамках соловьёвского публицистического цикла подтверждает ориентацию его автора на открытый и равноправный диалог с современниками.

Ключевые слова: В.С. Соловьёв, М.М. Бахтин, публицистика, жанр, диалог, полемика, контекст речевого акта, «чужое слово».

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-263-270

Введение. Продуктивность бахтинской методологии при анализе разного рода текстов признана давно. В соловьёведении она, безусловно, используется, но не очень часто, хотя именно к Соловьёву восходят некоторые основополагающие для М.М. Бахтина идеи. Например, концепция автора как «организованной, изнутри исходящей активности цельного человека... ничего не предполагающего вне себя для завершения» [2, с. 88], основывается, по нашему мнению, на соловьёвском определении художника: «Художник хочет творить не что-нибудь себе чуждое... напротив, он хочет лишь ту идею, которая... определяет его внутреннее существо...»; «объективируя своё содержание или делая его внешним», он «не теряет его как внутреннее» [8, с. 255]. Эти точки соприкосновения в мировоззрении двух мыслителей нельзя не учитывать, как и последующий «отход от Соловьёва» [9, с. 129] Бахтина в результате его новой установки на двуголосое слово.

Актуальность данного исследования обоснована, во-первых, необходимостью введения в поле научного осмысления малоизученного произведения В.С. Соловьёва «Воскресные письма», во-вторых, значимостью методологического наследия М.М. Бахтина, гений которого позволяет увидеть привычные литературные явления в принципиально новом ракурсе.

Методология исследования. В своей работе «Проблема речевых жанров» (1952–1953) М.М. Бахтин предложил анализ жанра с точки зрения не литературно-художественной его специфики, а как определённого типа высказывания, отличного от других. Такой ракурс позволяет сфокусировать внимание исследователя на языковой природе текста, проследить его роль в акте коммуникации. Кроме коммуникативного анализа, в работе использовались элементы сравнительно-исторического, культурно-философского и биографического методов.

Материалы исследования. Материалом для исследования стали «Воскресные письма» В.С. Соловьёва, цикл публицистических работ, созданный незадолго до смерти известного философа-идеалиста, поэта, драматурга, литературного критика, и опубликованный в 1897–1898 годах в газете В.П. Гайдебурова «Русь».

История вопроса. Публицистика Соловьёва остаётся на периферии внимания учёных-филологов, хотя мнение о её значимости для творческого наследия этого автора не оспаривается. Так, например, Я. Красицкий писал: «Соловьёв это уникальный тип... “философской личности” <...>, в которой философские идеи воплотились в “тело” публицистики и нуждались в “теле” публицистики» [3, с. 87]. В большей мере исследователей интересуют полемические выступления Соловьёва-публициста, его место среди противоборствующих лагерей в российской журналистике конца XIX века [16, 17], его ранние публицистические тексты, в которых оформлялась оригинальная манера диалога с читательской аудиторией [14], характер общественной позиции [15].

Факт особой идейной важности «Воскресных писем» для отражения мнения Соловьёва по актуальным вопросам российской действительности констатирован им самим: «Некоторые из этих статей принадлежат к наиболее удачному, что когда-либо мною написано...» [7, с. 653]. Помещение части работ из названного цикла под одну обложку с «Тремя разговорами...», духовным завещанием писателя-философа, указывает на идейный ракурс, в рамках которого их необходимо рассматривать. Тем не менее «Воскресные письма» практически не изучались специалистами. Инициировав вынесение этого произведения Соловьёва в качестве самостоятельного объекта научного рассмотрения [10], мы проанализировали особенности диалога автора с читательской аудиторией, отразили специфику реализации авторского речевого замысла, логику выбора жанровой формы. В рамках данной работы уточним ряд важных моментов, не обозначенных ранее, которые позволяет выявить бахтинская методология анализа текста: контекст речевого акта, организованного Соловьёвым в «Воскресных письмах», жанровые составляющие текста, особенности использования автором цикла «чужого слова».

Результаты исследования. 1. **Контекст речевого акта.** Как отмечал М.М. Бахтин, для высказывания, в отличие от предложения, характерны не только обращённость к другому и экспрессивность, но и определённый контекст [1, с. 454–455]. Историко-общественные условия создания «Воскресных писем», действительно, во многом определили содержательную наполненность текста, его жанровую специфику, авторскую манеру подачи материала. Первая работа цикла была опубликована в «Руси» 19 января 1897 года. Она называлась «Семья народов» и утверждала идею сосуществования многочисленных национальных сообществ России по законам христианской этики. Эта идея логично вписывалась в соловьёвскую концепцию всеединства: «...живое тело, при всей своей сложности и разнообразных обособлениях своих частей, гораздо крепче и устойчивее простой и однообразной кучи песку, которую разнесёт первый ветер» [6, с. 3]. Предположим, что на выбор темы значительно повлияли яркие общероссийские события уходящего и наступающего годов: коронация императора Николая II и предстоящая в феврале 1897 года первая всеобщая перепись населения, которая, кстати, констатирует 69,5% православных от жителей страны. Сосредоточенность на национальном материале можно объяснить, вероятно, соловьёвской трактовкой мировой миссии России как служения религиозно-нравственным оплотом против мирового зла.

Для самого автора 1897 год во многом пора подведения жизненных итогов. Надвигающаяся старость, непрерывная умственная работа, неупорядоченный образ жизни истощали его физические и психические силы, но он до последнего оставался верен своей миссии просветителя и общественного пророка. Лирика Соловьёва этой поры подтверждает, что он тяжело переживал уход поэтов-единомышленников, начавшуюся смену художественных поколений («На смерть А.Н. Майкова», «На смерть Я.П. Полонского», «Памяти А.А. Фета»), остро ощущал одиночество («Нет, силой не поднять тяжёлого покрова...») и неминуемость предстоящих трагических для мира событий. В близости последних времён он не сомневался, о чём свидетельствует его письмо к В.Л. Величко: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хоть и неуловимым дуновением» [4, с. 232]. Вот почему

в происходящих историко-общественных событиях (как внутрироссийских, так и мировых) Соловьёв видел тайные знаки и символы. В «Воскресных письмах» он назвал семь ложных идей, которые попеременно овладевают современным обществом: «бес “свободной любви”», бес политической агитации, бес обожествлённого естествознания, бес внешнего “опрощения”, бес “обязательного безбрачия”, бес “экономического материализма”, бес эстетического декадентства» [6, с. 42]. В силу своих апокалиптических ожиданий Соловьёв должен был воспринимать задачу сплочения российской общественности перед надвигающейся угрозой не только как важную, но и как чрезвычайно актуальную. Публицистика, среда, более чуткая к происходящему вокруг, нежели научное и художественное творчество, непосредственно влияющая на формирование общественного мнения, закономерно обратила на себя его внимание. Параллельно он начинает работать над «Тремя разговорами...», призванными в художественно-беллетристической форме передать современникам его религиозные, философские, общественные, этические идеи. Это последнее его произведение, отражающее «нестабильность и неустренность... сочетание мистики и эпохального рационализма» [13, с. 265] своего времени, – логическое продолжение диалога, начатого в «Воскресных письмах».

Еженедельная задушевная беседа с читателем позволила Соловьёву-публицисту поэтапно реализовывать свой коммуникативный замысел. 2-е – 4-е письма («Пробуждение совести», «О русском языке», «Что такое Россия») углубляли тематику первого, детализировали позицию автора. Навязывание русского языка, православной веры, преследование по национальному и религиозному принципам, насильственное обрусение Соловьёв считал недопустимым. Активно анализировались «ответные реплики» аудитории (тематически близкие статьи в российских изданиях), к диалогу приглашались всё новые участники. В 3-ем письме Соловьёв начинает полемику: «Недавно в “Новом времени” мне было приписано странное желание... На этом маленьком образчике большого недоразумения будет полезно остановиться» [6, с. 9]. 5-е письмо («О так называемых вопросах») – вынужденное отступление от магистральной темы, ответ на возражение собеседника-оппонента (передовая статья в газете «Новое время»), упрекавшего Соловьёва в ненужном теоретизировании относительно православия,

нравственности и содержания понятия «Россия». В 6-м письме, «О соблазнах», – закономерная корректировка темы: рассуждения о способах воздействия на «сердце народа верующего, но тёмного», о важности просветительной работы, об умственных заблуждениях. Тема истины и разного рода отступлений от неё становится основополагающей для последующих трёх писем. Она осложняется в 7-ом письме («Забывшие уроки») темами «Россия – Запад», умственной свободы в религиозной и богословской сферах (основа – очерк-реплика В.О. Ключевского в «Вопросах философии и психологии»), в 8-ом, «Второй конгресс религий», – рассуждениями о сближении церковью (повод-реплика – книга В. Шарбоннеля «Congrès Universel des religions en 1900. Histoire d'une idée»). В 9-ом, «Словесность или истина?», речь шла о ложном понимании сверхчеловечества (реакция на усилившееся влияние лагеря русских сторонников Ницше). 10-е письмо, «Небо или земля?», – вновь важный тематический излом: через диалог-спор со сторонниками «почвеннической» и народнической концепций («известная часть нашей печати») автор приходит к пониманию, что не менее внешнего (национального) раскола сообщества страшен раскол внутренний (между народом и интеллигенцией). Для Соловьёва очевидно, что «противоположение интеллигенции и народа есть... одна из тех полуистин, которые соблазняют ум своей лёгкостью... народная темнота не менее “интеллигентных” умствований оказывается враждебной истинному просвещению» [6, с. 33]. Особо в рамках цикла автором выделены «Пасхальные письма» (с 11-го по 17-е), написанные с апреля по май 1897 года. В течение двух месяцев Соловьёв вёл беседу с читателями «Руси» о вере, анализировал и комментировал библейские тексты. Очередное печатное выступление соотносилось с определённой православной датой-событием: значение воскресения Христа для мировой истории («Христос воскрес!»), виды неверия («О добросовестном неверии»), роль женщины в истории («Женский вопрос») и др. После почти годового перерыва (сказались различного рода переезды и активные занятия теоретической философией), в июле 1898 года, Соловьёв вернулся к написанию и обнародованию «Воскресных писем». Тему 18–20 писем, объединённых заголовком «Немезида», определила испано-американская война, начавшаяся в апреле 1898 года (и шире – борьба христианства и мусульманства, противодействие злу

насилием). Однако уже следующие печатные выступления Соловьёва вновь были посвящены национальному материалу – результатам общероссийской переписи населения, народным суевериями и перспективам будущего развития страны («Россия через сто лет», «Духовное состояние русского народа»).

2. Жанровые составляющие «Воскресных писем». Как отмечалось ранее [10], свои публицистические выступления Соловьёв соотнёс с жанром письма, точнее, цикла писем, хотя включил в рамки текста разнообразный в жанровом отношении материал (проповедь, пародию, бытовой рассказ, журнальную полемику и т. д.). М.М. Бахтин считал, что любой вторичный письменный речевой жанр неизбежно имеет сложную структуру [1, с. 430], содержит в себе более мелкие жанры. В рамках этой работы мы не планируем полный анализ жанрового состава произведения Соловьёва, обратим внимание лишь на присутствие явно выраженной художественной составляющей текста и на журнальную полемику.

Необходимо обратить внимание на то, что большое количество художественных вкраплений в «Воскресных письмах» имеет особый смысл, связанный с авторским замыслом. Соловьёв сознательно стремился усилить воздействующую функцию публицистики. По его убеждению, идея, заключённая в художественную форму, обретает больший вес и убедительность. Подобная трансформация позволяет не только адаптировать мысль, но и углубить, детализировать её путём авторской оценки и эмоции. Обычно равнодушный к фольклорным жанрам, создатель «Воскресных писем» активно использовал пословицы и поговорки разговорного характера: «Мужик – глуп», «Баба – дура» [6, с. 71], «Баба – мешок, что положишь, то и несёт» [6, с. 11], «(Искать) прошлогодний снег», «Не помнящий родства» [6, с. 54], «Волк в овечьей шкуре» [6, с. 55] и др. Они способствовали фамильяризации стиля, спускали автора с уровня проповедника на уровень равного собеседника, обеспечивали доверие к адресанту. Кроме пословиц и поговорок, в «Воскресных письмах» присутствует много поэтических вставок. Уже в первом письме – цитата из пушкинского «Памятника», подтверждающая авторскую мысль о семейных началах в отношениях народов, населяющих Россию. В 16-ом письме для иллюстрации своей мысли Соловьёв

цитирует «Горе от ума» А.С. Грибоедова, в 18-ом – обращается к «Торжеству победителей» В.А. Жуковского, в 20-ом – приводит отрывок из пушкинской «Полтавы», в 21-ом – даёт ссылку на стихотворение А.К. Толстого «У приказных ворот собирался народ...». Развёрнутые художественные вставки-зарисовки собственного сочинения находим в 15-ом, 18-ом, 21-ом письмах.

Журнальная полемика присутствовала в «Воскресных письмах», но не была главной целью автора. Как организатор общероссийского разговора о насущных вопросах, остро стоящих перед обществом, Соловьёв неизбежно должен был чутко отслеживать ответные реакции на сказанное, реагировать на реплики собеседника – сложного собирательного целого. Особенность его позиции как публициста состояла в отсутствии сильной армии единомышленников. Как отмечал Э.Л. Радлов, Соловьёву пришлось потерять своих друзей-славянофилов («Русский вестник», «Православное обозрение») и даже стать для них врагом в самом начале публицистического поприща, но и в стане новых соратников, либералов («Вестник Европы», «Неделя»), он не мог чувствовать себя своим: «с первыми у Соловьёва оказались общие враги, общие антипатии; с последними же общие симпатии» [5, с. XVI], но и коренное расхождение – отношение к религиозным и мистическим задачам. Преодолевая это шаткое положение между противостоящими лагерями публицистов, Соловьёв должен был ещё и выполнять особое «послушание»: «выметать сор» после печатных выступлений журналистов консервативного, националистического, народнического и ницшеанского толка. В «Воскресных письмах», главная цель которых была в объединении сограждан в преддверии грядущих общечеловеческих испытаний, полемика приглушена. Яркий полемист, обыкновенно виртуозно использовавший весь спектр смехового слова, осознавший, что «потенциал смеховой стихии давал... возможность открытого, отчасти провокационного диалога с читателем» [11, с. 84], Соловьёв использовал этот свой талант не в полной мере. Уже в первой его статье явно просматривается логика и образность, характерные для славянофилов: Россия противопоставляется Риму и Византии по вере, по характеру организации жизни разных народов в составе единого общественного организма. Соловьёв даже называет себя «старым

славянофилом» [6, с. 16]. Во 2-ом письме – попытка найти положительные моменты в позиции «патриотических» органов печати. Цитируя выступления «Русского обозрения», «Нового времени», «Гражданина» по польскому вопросу, публицист с удовлетворением констатировал «пробуждение совести» нации, отказ народа от «обручительной страсти» [6, с. 9]. Призванный защищаться от печатных нападков рецензентов «Нового времени», реагируя на упрек в том, что занимается общими идейными вопросами, которые бесполезны и даже вредны для народа, Соловьёв максимально сглаживает идейное разногласие: «Я не сомневаюсь, что в Апокрифе и ему подобных есть добро...» [6, с. 18]).

Особое явление во вторичных речевых жанрах, на которое обратил внимание М.М. Бахтин, – внутренняя диалогизация, разыгрывание речевого акта внутри монологического высказывания при помощи риторических вопросов. Таких вкраплений, по определению М.М. Бахтина, «рубцов межей во вторичных жанрах» [1, с. 442], очень много в публицистике Соловьёва. Частое использование этого приёма – свидетельство авторской настроенности на диалог (в данном случае без смены субъекта). Уже в рамках 2-го письма риторический вопрос встречается четырежды (на 2-х страницах текста!). В 5-ом – пять раз. Начиная с 3-го письма, в полемических целях используется цепь вопросов: «Разве отцу семейства обидно, если он не один? Разве для хозяина беда в том, что у него много домочадцев?» [6, с. 11]. С 7-го письма Соловьёв комбинирует риторический вопрос с умолчанием: «Не странно ли, что, признавая науку повсюду, мы хотим изгнать её из той области, которую считаем важнейшей?» [6, с. 24]. Эта пауза после вопроса – не просто явление грамматическое, она важна с коммуникативной точки зрения как отведение автором времени на осмысление сказанного, как возможность для мысленного ответа на реплику. В 9-ом, 11-ом, 18-ом, 22-ом письмах риторические вопросы выступают как предложения «переднего края» [1, с. 461], знаменуют смену речевого субъекта, передачу слова другому. В последних письмах Соловьёва появляются вставки-диалоги [6, с. 62, 71]. Тем самым печатное публицистическое выступление приближается к риторическим жанрам, к устной речи.

Каждое письмо в составе соловьёвского цикла становилось особым звеном в цепи речевого общения, связанным с ранее сказанным, с

ответными репликами, с тем, что планировалось сказать, сохраняя при этом относительную завершённость. Паузы между отдельными высказываниями обосновывались внешними обстоятельствами – периодичностью выхода издания. Они разрывали цикл на относительно законченные фрагменты, определяли порционность информации, планировались автором. Эти паузы осмыслились говорящим как ожидание ответа. Внешние границы высказывания обозначались через «чужое слово» (в начале) или через вывод-итог своей реплики (в конце). Одновременно при помощи приёма анонсирования постоянно подчёркивалась незавершённость коммуникативного акта в целом: «Об этом мы начнём речь в следующее воскресенье...» [6, с. 6], «Об этом по существу ясном, но на практике чрезвычайно осложнённом и запутанном недоразумении поговорим особо» [6, с. 11], «Мы вернёмся к нему ещё не раз» [6, с. 28].

3. **«Чужое слово» в диалоге.** Как отмечал М.М. Бахтин, предмет речи говорящего никогда не является абсолютно новым: он «уже оговорён, оспорен, освещён и оценен по-разному» [1, с. 465]. Новой может быть позиция в полемике о предмете, оценка другой точки зрения. Очередное печатное выступление в рамках «Воскресных писем» не только дополняло и уточняло авторскую позицию в связи с определённой проблемой, но и подтверждало точку зрения сторонников, опровергало убеждения противников. Предшествующие тексты-высказывания привлекались Соловьёвым для пояснения своих взглядов, использовались в качестве смысловой опоры. Прежде всего это произведения, известные многим, имеющие абсолютный духовный авторитет, признанную эстетическую ценность – Библия, поэтические шедевры. Цитата из Ветхого Завета («Не добро народу быть одному»; Бытие, гл. 2) «стала первой (главной) границей высказывания-цикла» [10, с. 14], недвусмысленно обозначив начало авторского речевого выступления. В связи с отсутствием замыкающей границы целого (последнее письмо оканчивалось обещанием продолжения разговора («Об этом – до следующего письма» [6, с. 80]), которое не последовало) это обстоятельство приобретает символическое значение: чётко было обозначено главное русло диалога, который в принципе не мог быть окончен из-за бесчисленного множества тем, ответных реплик и позиций по обсуждаемым вопросам. В полемических письмах Соловьёв активно

цитировал собеседников-оппонентов: ему важно было показать суть дискуссии для других читателей, обстоятельства, которыми была обоснована его позиция по проблеме. Так, во 2-ом письме приводятся «мудрые речи» из «Русского обозрения», «Нового времени» в связи с «польским» вопросом. Пожалуй, самые пространственные цитаты встречаются в последнем, 22-ом письме. Это развёрнутые выписки из отчёта обер-прокурора св. синода за 1894–1895 годы, связанные с сектантством. Здесь перевес «чужого слова» объяснялся желанием точнее показать «образчики странных религиозных фантазий, возникающих в нашем народе» [6, с. 79–80] и обосновать собственную позицию о невозможности строгого наказания за религиозные заблуждения.

М.М. Бахтин говорил о различных формах использования «чужого слова» в тексте: введение полной фразы или её фрагмента, пересказ, ссылка, «молчаливое предположение» [1, с. 463]. Соловьёв использовал разные варианты цитирования. Границы «чужого слова» при этом, как правило, чётко обозначались. Глухие ссылки встречаются сравнительно редко. Высказывания оппонентов часто переакцентировались, обретали ироническую окраску благодаря краткой оценке: «...За такие правдивые и горячие слова много проститься кн. Мещерскому странных и ненужных его прежних слов» [6, с. 9]. Соловьёв ясно отражал свои эмоции в связи с «чужим словом»: «Когда я прочёл эту тираду, старые, заглушённые славянофильские чувства взыграли в сердце моём» [6, с. 16]. Цитаты единомышленников обычно не комментировались, собственное мнение излагалось сразу же после них. Так «чужое слово» становилось как бы своим. Например, в 7-ом письме введение слов кн. С.Н. Трубецкого подготавливалось цитатами из М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, а сразу же после них давалось развитие чужой мысли: «...для своего действительного торжества наша вера должна явиться во всеоружии, воспользоваться всеми умственными и научными приобретениями культурного человечества» [6, с. 25]. Иногда Соловьёв цитировал без комментария. Например, в 8-ом письме он только констатировал дискуссию о всемирном конгрессе религий, указав на противоположные точки зрения аббата Моро и аббата Шарбоннеля, тем самым пригласил всех к осмыслению проблемы. В целом активно используемое «чужое

слово» позволило Соловьёву диалогизировать собственное высказывание-цикл. Перенесённое внутрь многослойной реплики, оно создавало ощущение постоянной смены речевых субъектов и сообщало чужой речи авторскую экспрессию-оценку (ироническую, сочувственную и др.). Благодаря новому контексту и новой окраске «чужое слово» зачастую обретало иной смысл.

Выводы. Итак, главная цель «Воскресных писем» – регулярное и прямое общение с русской читающей публикой, обсуждение насущных общенациональных вопросов. Каждую из 22 работ можно рассматривать как относительно завершённое высказывание на определённую тему в продолжающемся открытом диалоге. Речевая воля говорящего реализовалась через выбор предмета, жанровой формы, эмоцию и во многом была определена не только его участниками, спецификой данной сферы коммуникации, предметом речи, но и конкретной ситуацией речевого общения, эпохой. В отличие от ранней публицистики Соловьёва, где часто «авторская позиция утверждалась... через полемически окрашенный воображаемый диалог-спор» [14, с. 43], полемические задачи в рамках «Воскресных писем» не были для автора первостепенными. Публицист предполагал прежде всего убеждение читателя, воспитательное воздействие на него. Автору хотелось сплотить российское сообщество в преддверии грядущих трагических событий, и он настойчиво указывал на те идейные источники, которые были способны помочь с достоинством пройти предстоящий путь: Библию, лучшие образцы отечественной поэзии. Несмотря на позицию общественного просветителя, проповедника и пророка, которую изначально занял Соловьёв, «Воскресные письма» можно по праву считать одним из самых полифонических произведений в его творчестве: автор внимательно прислушивался к ответным голосам собеседников, мгновенно реагировал на мнения оппонентов, корректировал тематику в соответствии с меняющейся речевой ситуацией. Он не закрывался от дискуссии категоричными суждениями и позой пророка, которому одному открылась истина, как это было, например, в его поздней литературной критике, где «задача общего нравственного воспитания человека» [12, с. 39] реализовалась порой через голую дидактику. Большой объём «чужого слова» в рамках последнего публицистического

цикла Соловьёва подтверждает сориентированность автора на открытый равноправный диалог.

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 428–472.
2. Бахтин, М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 26–89.
3. Красицки, Я. Проблема раздела церкви и христианского единства в публицистике В. Соловьёва // Соловьёвские исследования. – 2005. – Вып. 11. – С. 87–97.
4. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Обществ. польза, 1908. – Т. 1. – 283 с.
5. Радлов, Э. Л. В. С. Соловьёв. Биографический очерк // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва: в 10 т. Т. 10. – СПб.: Тов-во «Просвещение», 1914. – С. VII–LI.
6. Соловьёв, В. С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва: в 10 т. Т. 10. – СПб.: Тов-во «Просвещение», 1914. – С. 3–80.
7. Соловьёв, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 635–762.
8. Соловьёв, В. С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 139–288.
9. Эмерсон, К. Против закономерности: Соловьёв, Шестов, поздний Толстой, ранний Бахтин // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. – СПб.: Алетейя, 1995. – С. 117–131.
10. Юрина, Н. Г. «Воскресные письма» В. С. Соловьёва: особенности диалога с читателем // Соловьёвские исследования. – 2021. – № 2 (70). – С. 6–19.
11. Юрина, Н. Г. Литературно-художественное творчество В. С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль) [Текст]: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – 548 с.
12. Юрина, Н. Г. Творчество М. Ю. Лермонтова в русской критике конца XIX – начала XX века [Текст]: уч. пособие. – Саранск, 2006. – 134 с.
13. Юрина, Н. Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яворский) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4. – С. 256–266.
14. Ariskina, O. L., Yurina, N. G. Features of the linguistic personality of V. S. Solovyov-publicist (speech: “three forces”) // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. – 2020. – Vol. 25, no. 5. – P. 39–50.
15. Davidson, P. Vladimir Solov'ev and the Ideal of Prophecy // *The Slavonic and East European Review*. – 2000. – Vol. 78, no. 4. – P. 643–670.
16. Gaut, G. A practical unity: Vladimir Solov'ev and Russian liberalism // *Canadian Slavonic Papers*. – 2000. – Vol. 42, no. 3. – P. 295–314.
17. Kornblatt, J. D., Rosenshield, G. Vladimir Solovyov: Confronting Dostoevsky on the Jewish and Christian Questions // *Journal of the American Academy of Religion*. – 2000. – Vol. 68, no. 1. – P. 69–98.

**"SUNDAY LETTERS" BY V.S. SOLOVYOV
IN THE PERSPECTIVE OF THE CONCEPT OF SPEECH GENRES BY M.M. BAKHTIN**

© 2021 N.G. Yurina
*Natalya G. Yurina, Doctor of Philology,
Professor of the Department of Russian as a Foreign Language
E-mail: makarova-ng@yandex.ru
National Research Mordovia State University
Saransk, Russia*

The article analyzes the publicist work of the famous Russian philosopher V. S. Solovyov "Sunday Letters", which is rarely studied in the scientific literature, created in the last years of his life. Based on the main provisions of the concept of speech genres by M. M. Bakhtin, the author examines the context of the speech act organized by Solovyov, the publicist, the artistic and polemical components of the text, the nature of the use of "someone else's word" in the dialogue with the reader. The communicative perspective of research is quite rare in Solovyov studies. Combining the possibilities of literature studies and linguistics allowed us to see the literature material from a fundamentally new point of view and draw

the following conclusions. Starting the publication of a series of his works in the newspaper "Rus'", Solovyov initiates a serious ongoing conversation with his compatriots about topical issues facing Russian society. The choice of the subject of speech, the genre form of public speech, the peculiarities of the presentation of the material were influenced by both the participants of the dialogue, the specifics of the journalistic sphere of communication, and the specific situation of speech communication, the epoch. Solovyov's apocalyptic premonitions led him to the idea of rallying fellow citizens on the eve of the coming universal upheavals, so in the "Sunday Letters" he did not so much polemicize and insist on his vision of the truth, as he explained, convinced, pointed to important ideological sources (Bible, Russian classical poetry) that could help correct positions, carefully analyzed the response voices of readers-interlocutors. The large volume of "someone else's word" within the framework of the Solovyov publicist cycle confirms the orientation of its author to an open and equal dialogue with contemporaries.

Keywords: V.S. Solovyov, M.M. Bakhtin, publicist writing, genre, dialogue, polemics, context of a speech act, "someone else's word".

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-263-270

1. Bakhtin, M. M. Problema rechevykh zhanrov (The problem of speech genres) // Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. - Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. - S. 428–472.
2. Bakhtin, M. M. Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve (Problem of content, material and form in verbal artistic creativity) // Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. - Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. - S. 26–89.
3. Emerson, K. Protiv zakonmernosti: Solov'ev, Shestov, pozdny Tolstoy, ranniy Bakhtin (Against the regularity: Solovyov, Shestov, late Tolstoy, early Bakhtin) // Bakhtinologiya: Issledovaniya, perevody, publikatsii. - Saint-Petersburg: Al'teyya, 1995. - S. 117–131.
4. Krasitski, Ya. Problema razdela tserkvey i khristianskogo edinstva v publitsistike V. Solov'eva (The Problem of the Division of Churches and Christian Unity in V. Solovyov's Publicism) // Solov'evskie issledovaniya. - 2005. - Vyp. 11. - S. 87–97.
5. Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva (Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov) / pod red. E. L. Radlova. - Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1908. - T.1. - 283 s.
6. Radlov, E. L. V. S. Solov'ev. Biograficheskiy ocherk (V. S. Solovyov. Biographical essay) // Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva: v 10 t. T. 10. - Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914. - S. VII–LI.
7. Solov'ev, V. S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya (Philosophical principles of integral knowledge) // Solov'ev V. S. Sochineniya: v 2 t. T. 2. - M.: Mysl', 1990. - S. 139–288.
8. Solov'ev, V. S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирной istorii (Three Conversations about War, Progress, and the End of World History) // Solov'ev V. S. Sochineniya: v 2 t. T. 2. - Moscow: Mysl', 1990. - S. 635–762.
9. Solov'ev, V. S. Voskresnye pis'ma (Sunday letters) // Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva: v 10 t. T. 10. - Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914. - S. 3–80.
10. Yurina, N. G. Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V. S. Solov'eva v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil') [Tekst]: monografiya (Literary and artistic creativity of V. S. Solovyov in the context of Russian literature of the second half of the XIX century (aesthetics, poetics, style). - Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2019. - 548 s.
11. Yurina, N. G. Traditsii russkoy apokalipticheskoy literatury XVIII veka v «Kratkoy povesti ob antikhriste» VI. Solov'eva (Solov'ev i Yavorskiy) (Traditions of Russian apocalyptic literature of XVIII century in "A short Story of the AntiChrist" by V. Solovyov (Solovyov and Yavorskiy)) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. - 2010. - № 4. - S. 256–266.
12. Yurina, N. G. Tvorchestvo M. Yu. Lermontova v russkoy kritike kontsa XIX – nachala XX veka) [Tekst]: uch. posobie (The work of M. Y. Lermontov in Russian criticism of the late XIX-early XX century). - Saransk, 2006. - 134 s.
13. Yurina, N. G. «Voskresnye pis'ma» V. S. Solov'eva: osobennosti dialoga s chitatelem ("Sunday Letters" by V. S. Solovyov: features of the dialogue with a reader) // Solov'evskie issledovaniya. - 2021. - № 2 (70). - S. 6–19.